

УДК 82.95
ББК 83.3
(ПРОС-РУС) 1-8 ГОНЧАРОВ И.А.

А.С. Давыдова

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ
И ОБРАЗ ГЛАВНОГО ГЕРОЯ
В РОМАНЕ «ОБЛОМОВ»
И.А. ГОНЧАРОВА**

Рассмотрена трактовка связи образа Обломова с разными типами художественного времени в критической и литературоведческой традиции. Выдвинуто предположение о причине диаметрально противоположных суждений о герое романа, в образе которого усматривается то историческая, эпохальная, то вневременная доминанта. Проанализировано влияние разных типов художественного времени на динамическую характеристику героя.

Ключевые слова: *художественное время, роман И.А. Гончарова «Обломов», динамическая характеристика, историческое время, циклическое время, главный герой, диалектика.*

Давыдова Александра Сергеевна – аспирант кафедры теории и истории мировой литературы Южного федерального университета.

Тел.: (8-863) 234-19-66

© А.С. Давыдова, 2009 г.

В литературной жизни конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. роман «Обломов» стал важнейшим событием: образ его главного героя сразу привлек внимание критики и получил различные, порой противоречащие друг другу толкования. Одним из центральных вопросов стало то, как образ Обломова соотносится с историческим временем произведения: можно ли считать героя историческим типом эпохи или, наоборот, он «вневременной» персонаж. В критике возникло две диаметрально противоположные точки зрения на данный вопрос.

Согласно первой, Илья Ильич – это тип эпохи, воплотивший в себе основные черты русского человека именно того времени, когда создавался роман. Во-первых, сам автор отмечает важную роль соотношения героев с историческим временем в своих произведениях (и конкретно – в «Обломове»): «Если образы типичны, они непременно отражают на себе – крупнее или мельче – и эпоху, в которой живут...» [Роман И.А. Гончарова..., 1991, с. 21]. В статье «Что такое обломовщина?» Н.А. Добролюбов также подчеркивает типичность (национальную и эпохальную) образа Обломова, говоря о нем, что это «коренной, народный наш тип» [Там же, с. 41], причем в своем современном выражении, в новом отношении к жизни; критик видит в романе И.А. Гончарова знамение времени. А Д.И. Писарев не просто называет Обломова эпохальным героем, но и четко указывает, к ка-

кому именно периоду исторического развития страны его следует относить: «На подобные личности должно, по нашему мнению, смотреть как на жалкие, но неизбежные явления переходной эпохи; они стоят на рубеже двух жизней: старорусской и европейской, и не могут шагнуть решительно из одной в другую» [Там же, с. 75]. А.В. Дружинин также связывает значимость образа героя в читательских глазах с его историко-временной принадлежностью, говоря о том, что он дорог читателю именно как человек своего края и своего времени.

Однако в критике Дружинина присутствует и вторая точка зрения на Обломова как на вневременного, всеобщего, всемирного героя: «Когда роман... будет переведен на иностранные языки, успех его покажет, до какой степени общи и всемирны типы, его наполняющие. По лицу всего света рассеяны многочисленные братья Ильи Ильича...» [Там же, с. 122]. Илья Ильич даже в какой-то мере противостоит своей эпохе, по словам Дружинина, который называет Обломова чудачком за то, что тот в эпоху себялюбия и неправды прожил свой век мирно, никого не обидев. Д.И. Писарев также, помимо исторических черт, отмечает и универсальное, общечеловеческое значение фигуры Ильи Ильича. А Н.К. Михайловский вообще считает «обломовщину» не знамением исторического времени, а исконной чертой русского народа, специфической чертой его национального характера на протяжении многих веков.

В. Соловьев тоже расценивает Обломова не только как исторический тип: «Обыкновенно говорят: "Обломов – это старая крепостная Россия, 19 февраля 1861 г. Обломова не стало". Мне думается, что это справедливо только отчасти. Точно ли совершенно и окончательно умер Илья Ильич?»

Присмотритесь повнимательнее к жизни, и вы, пожалуй, придете к заключению, что Обломов совсем умереть и не может. Нет, Обломов – тип не только временный, исторический, а племенной, стереть который из жизни не могут никакие указы» [Соловьев, 1898].

П.В. Анненков также отмечает, что Обломов – это не исторический тип, а тип-понятие творческой мысли писателя: «Что такое знаменитейшие типы современной нашей литературы – Обломов и Базаров, как не понятия, сделавшиеся людьми под руками двух истинных художников» [Анненков, с. 199].

Толкование и анализ образа главного персонажа романа в аспекте проблемы исторического времени имело место в литературоведческих работах начала и середины XX в. (авторы Н.К. Пиксанов, Н.И. Пруцков, А.П. Рыбасов, А.Г. Цейтлин, А.Ф. Захаркин).

Так, А.Ф. Захаркин утверждает, что в образе своего героя автор «с наибольшей силой осудил болезненные проявления времени – сонливость и апатию, заклеймив это одним словом – обломовщина»; причисляет Обломова к стану славянофилов: «Илья Ильич сторонник старинных нра-

вов, тихого, раз навсегда заведенного уклада жизни. В этом отношении Обломов близок к славянофилам, отрицавшим необходимость просвещения для народа, восхищавшимся всем патриархальным» [Захаркин, с. 104–105].

Литературовед В.А. Недзвецкий, обозначая связь героя с категорией художественного времени, говорит о том, что «подобно Адуеву-младшему (а также будущему герою «Обрыва» Борису Райскому), Илья Ильич Обломов – человек переходного времени», который принадлежит двум эпохам «старой, патриархальной, олицетворенной дедовской Обломовкой, и новой, представленной Петербургом, в котором и застаёт героя начало произведения» [Недзвецкий, 1992, с. 37].

И.А. Кутейников также говорит о связи главного героя романа с историческим временем, именуя Обломова и Обломовщину в целом как «русское национальное явление, нарисованное Гончаровым на конкретном историческом отрезке своего существования, естественно и неоспоримо бытовавшее и до романа "Обломов", и после его выхода в свет. Обломовщина не только черта национального характера. Обломовщина есть исторически сложившийся уклад русской жизни» [Кутейников, 1994, с. 288].

Е.И. Ляпушкина связывает конфликт в романе с влиянием художественного исторического времени на персонажа: «Пространственная и временная замкнутость, ограниченность существования известным небольшим кругом событий, единение человека с природой – все то, чем «держалась» жизнь в Обломовке, утрачено героем в большом мире петербургской жизни; здесь проявились все те противоречия, которых не знал мир детства Ильи Ильича и наличие которых обусловило стремление преодолеть конфликтность бытия. Само же это стремление, в свою очередь, определило Илью Ильича, героя петербургской жизни, прежде всего как человека иного, чем в Обломовке, не *идиллического* (кругового), а *исторического* (векторного, линейно направленного) времени, как человека истории» [Ляпушкина, 1996, с. 107].

С другой стороны, в литературоведении нашла отражение и другая традиция: некоторые исследователи трактуют образ главного персонажа «Обломова» не столько в социально-историческом, сколько в философско-эстетическом ключе, в свете определенной литературной традиции.

Так, Е.А. Краснощёкова называет Обломова архетипом русской культуры, или даже цивилизации, в котором воплотился особый психологический «комплекс невзрелости» [Краснощёкова]. Литературовед В.И. Мельник рассматривает Обломова как героя лирического плана, в котором романиста интересует «вечный мотив человеческой драмы», противопоставляя его образу Штольца, который является героем «определенного времени, определенной исторической эпохи» [Мельник, 1991, с. 54]. И.А. Беляева, также считая Илью Ильича героем вневременным,

вечным, сближает образ Обломова с героями «Божественной комедии» Данте, акцентируя, в первую очередь, не принадлежность Ильи Ильича к какому-то социально-временному пласту, а указывая на общечеловеческий, философский аспект его жизни: «...Ленивый Обломов – также философ прежде всего, размышляющий о мире и человеке в нем и не видящий смысла в том, чтобы, не найдя ответа на вопрос, что такое жизнь... продолжать путь» [Беляева, 2007, с. 29].

Г.А. Черных и вовсе отказывает Обломову в возможности принадлежать какой-либо исторической эпохе, считая его персонажем, который не смог вписаться в свое настоящее, в современный ему отрезок исторической жизни: «Преданный традиции, Илья Ильич не смог вписаться в современную жизнь, утратив способность к творческой переработке опыта жизни своего отца» [Черных, 2006, с. 34].

Таким образом, вопрос о том, является ли Обломов героем, воплощающим в себе тип определенной эпохи, исторического времени, находился в центре внимания и обсуждался как современниками И.А. Гончарова, так и литературоведами XX в., причем однозначного ответа так и не сложилось. Думается, что это обусловлено многообразием форм художественного времени в романе и глубиной образа героя, на который оказывает влияние по ходу действия не только историческое время, но и циклическое, мифологическое, онейрическое. В связи с этим представляется продуктивным еще раз обратиться к роману «Обломов» и проанализировать динамическую характеристику его главного героя, которая неоднозначно была оценена критикой, чтобы оценить ее диалектичность в отношении ко времени.

Сначала рассмотрим точку зрения самого Обломова на историческое время: волнует ли его современность? Нет, Илью Ильича абсолютно не интересует современная историческая ситуация в России: все силы души его направлены либо в прошлое, к воспоминаниям о милой сердцу Обломовке, либо в будущее, на планы обустройства имения, и – в совсем ином масштабе – далеко за пределы России своего времени, причем в мечтах он ставит в один ряд исторически значимые фигуры и сказочных богатырей, нисколько не заботясь об исторической логике или достоверности: «Он любит вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее; у него хлынут, например, народы из Африки в Европу, или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов, разоряет города, щадит, казнит, оказывает подвиги добра и великодушия» [Гончаров, 1959, с. 57–58]. По словам исследователя Х. Халациньской-Вертеляк, «знаменательно тяготение теперешнего момента к минувшему, о чем свидетельствует кульминационная позиция сна героя о жизни в бывшей Обломовке, с одной стороны, и с другой – к предстоящему, через судьбу потомка главного героя. Мечтания

Обломова о службе у Наполеона разъединяют настоящее время между легендой (прошлого) и надеждой на осуществление (в каком-то будущем)» [Халациньска-Вертеляк, 1994, с. 191]. По ходу развития сюжета герой ни разу не обнаруживает озабоченность судьбами своей страны и народа в данный исторический момент.

Остановимся на биографии героя: его детство прошло в рамках циклического времени в Обломовке, которое не связано с историческим. Как говорит В.И. Мельник, «вовлеченная в круговорот судьба Обломова – результат тяготения к обряду в Обломовке. Отсутствие инициативы, воли, самостоятельного позыва к энергичной деятельности – все это своими корнями уходит в жизненную философию обряда», и дальше: «Это остановившаяся жизнь, идущая по заведенному календарю, по кругу годового календаря. Вехи на этом круговом пути – праздники» [Мельник, 2007, с. 12]: «Как только родился ребенок, первую заботой родителей было как можно точнее, без малейших упущений, справиться над ним все требуемые приличием обряды, то есть задать после крестин пир; затем начиналось заботливое ухаживанье за ним» [Гончаров, 1959, с. 104], и далее: «Только лишь поставят на ноги молодца, то есть когда нянька станет ему не нужна, как в сердце матери закрадывается уже тайное желание приискать ему подругу – тоже поздоровее, порумянее.

Опять настает эпоха обрядов, пиров, наконец свадьба; на этом и сосредоточивался весь пафос жизни.

Потом уже начинались повторения: рождение детей, обряды, пиры, пока похороны не изменят декорации; но ненадолго: одни лица уступают место другим, дети становятся юношами и вместе с тем женихами, женятся, производят подобных себе – и так жизнь по этой программе тянется непрерывной однообразною тканью, незаметно обрываясь у самой могилы» [Там же, 1959, с.104–105].

Традиция дорога обломовцам тем, что она помогает сохранять покой, не нарушая мерный, издавна сложившийся ритм бытия. «Бессознательное предпочтение обломовцами традиции за счет любой, самой невинной новации (идеал: жить, как жили предки наши) сформировано опасливым ожиданием от любого сдвига – грозной неожиданности, что может нарушить столь ценный «покой» – благословенный промежуток между подспудно назревающими катастрофами» [Краснощёкова].

Жители имения сосредоточены на себе, весь внешний мир для них – «другие», и течение их жизни измеряется либо годовым циклом, либо десятилетиями, на протяжении которых ничего не меняется: «Ничто не нарушало однообразия этой жизни, и сами обломовцы не тяготились ею, потому что и не представляли себе другого житья-бытья; а если б и смогли представить, то с ужасом отвернулись бы от него.

Другой жизни и не хотели и не любили бы они. Им бы жаль было, если б обстоятельства внесли перемены в их быт, какие бы то ни были. Их за-

грызет тоска, если завтра не будет похоже на сегодня, а послезавтра на завтра.

Зачем им разнообразие, перемены, случайности, на которые напрашиваются другие? Пусть же другие и расхлебывают эту чашу, а им, обломовцам, ни до чего и дела нет. Пусть другие живут, как хотят.

Ведь случайности, хоть бы и выгоды какие-нибудь, беспокойны: они требуют хлопот, забот, беготни, не посиди на месте, торгуй или пиши, – словом, поворачивайся, шутка ли!» [Гончаров, 1959, с.137].

С самого детства герой был вовлечен в идиллический хронотоп, «не разум, а традиция, привычка, – главный аргумент в этом мирке, иррационально-абсурдном по существу» [Краснощёкова], здесь «единство места жизни поколений ослабляет и смягчает все временные грани между индивидуальными жизнями и между различными фазами одной и той же жизни. <...> Это определяемое единством места смягчение всех граней времени существенно содействует и созданию характерной для идиллии циклической ритмичности времени» [Бахтин, 1975, с. 374]. В Обломовке «происходит своего рода бесконечное воспроизведение одной и той же жизни из поколения в поколение, меняется только состав ее "исполнителей", а "драматургия" остается прежней. Все, что происходит впервые, что не закреплено традицией, ценности для людей не имеет или встречается ими враждебно.

Итак, вековая прикрепленность жизни к замкнутому пространству возводит традицию в ранг могущественной силы, направляющей временной поток по кругу» [Ляпушкина, 1996, с. 91]. Историческому времени нет места в Обломовке – заведенный порядок жизни от него не зависит, поэтому герой с детства не «вписан» в поток исторического времени.

Недаром в итоге, в конце романа, Илья Ильич обретает свое тихое счастье в замкнутом круговороте именно циклического времени, оторванного от истории и от внешнего мира: «Илья Ильич жил как будто в золотой рамке жизни, в которой, точно в диораме, только менялись обычные фазисы дня и ночи и времен года: других перемен, особенно крупных случайностей, возмущающих со дна жизни весь осадок, часто горький и мутный, не бывало» [Гончаров, 1959, с. 491]. Герой приходит к своему идеалу детства, возвращается к началу. И, по мнению П. Алексеева, вслед за своим героем роман также совершает своеобразный круговорот: «Вообще последовательность романа движется: часть первая – история, часть вторая – любовь, иллюзии, часть третья – быт, реальность, часть четвертая – возвращение на круги своя. По принципу европейско-христианской методологии в культуре конец романа обращает повествование вспять – к его началу. А глядя с Востока, чем это не кругооборот дао?..» [Алексеев, 1996, с. 71].

Теперь рассмотрим сон Обломова – важнейший элемент произведения. Илья во время сна, который является самым приятнейшим для него

временем по ходу всего романа, полностью выпадает из жизни, соответственно – и из линейного времени произведения и обычной хронологии событий, попадая под влияние онейрического (сноподобного) времени. Правда, в литературоведческой традиции существует мнение о том, что «в “Сне Обломова” полностью отсутствует “сновидческий” элемент. Сон в романе Гончарова – рациональное объяснение характера героя, а сам мотив сна – не более чем авторская прихоть Гончарова» [Табориская, 1976, с. 73] и «в тексте нет и намека на импровизацию – приметку подлинного сна» [Краснощёкова]. Однако при анализе текста становится ясно, что на уровне сюжета романа проявляются как раз особенности реального сновидения, которые позволяют автору свободно переходить от одного эпизода к другому без мотивации, причем «каждый из этих эпизодов может обладать определенной завершенностью и самостоятельностью, и именно форма сна “узаконивает” ту произвольность, с которой одна картина сменяет другую» [Ляпушкина, 1996, с. 87]. Лето, зима, детство, отрочество, сказки няни, вечера в семейном кругу – картины сменяют друг друга, как в калейдоскопе, внимание Ильи Ильича свободно переключается между ними.

Свободное переключение между картинами из жизни Обломовки во сне составляет контраст с «петербургскими» мыслями героя, которые, казалось бы, заиклены и крутятся всего вокруг единственной проблемы – бытовой неустроенности и отсутствия достаточного количества денег у Ильи Ильича (что и становится, на первый взгляд, главным камнем преткновения для переезда, обустройства имения и организации свадьбы). Как только Обломов пытается воспарить мыслью над реальностью, как насущные дела возвращают его на землю. Если в Обломовке как мысль его, так и действия почти не знали принуждения, то в Петербурге жизнь заключена в определенные рамки, а для движения указаны необходимая «скорость» и вполне определенный вектор – вперед. Вот этих-то рамок душа Обломова и не приемлет, пытаясь всячески от необходимости действий и изменений увильнуть. Ведь не снаружи, а как раз в душе героя «есть образ желанной жизни, который является для него ориентиром, мерилом жизненных явлений, опорой в испытаниях; этот идеал для героя не менее, а порой и более реален, чем эмпирическая действительность» [Отрадин, 1994, с. 99]. А можно ли приложить вектор к созерцательному, поэтичному внутреннему миру? Думается, что нет. Отсюда и нежелание Обломова следовать вперед, отрыв его динамической характеристики от линейного времени, несовпадение с ним.

Все отступления от «правильного», «прямого» течения сюжета в произведении связаны как раз с «выпадением» динамической характеристики персонажа из времени линейного в сферу «экзотических» для романа форм художественного времени: циклического, онейрического, мифологического – «в каких-то деталях обломовский мир буквально воспро-

изводит мифологические образы, и тогда эта параллель оказывается настолько очевидной для повествователя, что он не обозначает ее прямо и непосредственно в слове, но лишь намекает на нее, как будто полагаясь на интуицию просвещенного читателя» [Ляпушкина, 1996, с. 105]: «Небо там, кажется, напротив, ближе жметя к земле, но не с тем, чтобы метать сильнее стрелы, а разве только, чтоб обнять ее покрепче, с любовью: оно распростерлось так невысоко над головой, как родительская надежная кровля, чтоб уберечь, кажется, избранный уголок от всяческих невзгод» [Гончаров, 1959, с. 85]; здесь прослеживается связь с античным мифом о браке Геи и Урана, Земли и Неба, и о той силе, что родилась в результате их союза – об Эросе.

Учитывая, насколько важную смысловую и символическую нагрузку несет в романе сон Обломова, можно сделать вывод о приоритете онейрического пласта художественного времени (а также мифологического и циклического, свойственных миру Обломовки, которая снится герою) над остальными типами художественного времени в произведении. «...Обломовская судьба – это “идиллия”, своего рода “сон”», – говорит В.И. Мельник, подчеркивая значимость онейротопы в жизни героя [Мельник, 2007, с. 12].

И, наконец, необходимо упомянуть о возрасте этого персонажа. Обломову тридцать три года, что указывает как на его связь с былинным богатырем Ильей Муромцем, так и на аналогию с Иисусом Христом. Герой тридцати трех лет, кроткий, как голубь, с хрустальной душой, вызывающий всеобщую любовь, не может быть расценен только как общественный тип эпохи, связанный с определенным историческим временем – данная характеристика представляется слишком узкой для его образа, заключающего в себе символические отсылки и связь с другими формами художественного времени.

Он гораздо ближе к герою, несущему ответственность не только за себя, но и за весь окружающий мир, за порвавшуюся связь времен, к герою, роман о котором, по мнению И.В. Мельника, был задуман писателем, но не был воплощен, в то время как отдельные черты подобного персонажа нашли отражение в статьях Гончарова «Опять “Гамлет” на русской сцене», «Миллион терзаний», «“Христос в пустыне”. Картина г. Крамского».

Также подтверждая мысль о связи возраста персонажа с вечным философским поиском, исследователь И.А. Беляева говорит о том, что в первоначальной редакции романа автор хотел сделать своего героя немного старше, тридцатипятилетним, чтобы осветить «центральный сюжет “тройственной поэмы”, связанный с блужданиями человека в половине его жизни, то есть достигшего 35-летнего возраста» [Беляева, 2007, с. 29].

Итак, всё вышеперечисленное дает возможность убедиться в том, что Обломов некорректно называть исключительно историческим героем, типом эпохи. Обнажается некий парадокс: с одной стороны, сам автор

и многие критики, казалось бы, предлагают нам считать Илью Ильича историческим типом, представителем современного автору поколения, с другой же стороны, необходимо отметить важность связи его в большей мере не с пластом исторического времени, а с циклическим и онейрическим временем, с вечным круговоротом жизни. Поэтическое «целое» Обломова оказывается разорвано: он сам вообще никак не позиционирует себя по отношению к истории, в то время как его создатель и критики отмечают значимость его как исторического типа. К тому же, историческое время в романе связано с образом Штольца, соответственно, при общении друзей разнообразные типы художественного времени сталкиваются друг с другом, взаимодействуют.

Представляется возможным предположить, что Обломов как герой, фактически воплощающий в себе концепт циклического времени, воспитанный в его круговороте, в столкновении с персонажами, динамические характеристики которых тяготеют к другим типам художественного времени (особенно исторического) оказывает на них определенное влияние, не соглашается или спорит с ними, возникает впечатление, что для Ильи Ильича важна история, хотя в его рефлексии она занимает ничтожно малое место.

Обломов идеализирует ценности, свойственные для хронотопа, в котором главенствует циклическое время. Подтверждение этому мы находим в его сне об Обломовке, который представляет собой канонический идиллический хронотоп (по М. Бахтину), где циклическое время безраздельно царствует. Обломовка отделена от остального мира романа, где разворачиваются все события, не связанные со сном Ильи Ильича (в первую очередь, от Петербурга), во-первых, расстоянием (герой так и не находит в себе сил туда съездить), во-вторых, временем (Обломов видит во снах не настоящее, а свое детство) и, в-третьих, в какой-то мере, границей реальности/нереальности происходящего (ведь той Обломовки, о которой сохранились теплые воспоминания у героя, больше нет – теперь есть имение, приносящее те же бытовые проблемы и неурядицы, обнаруживающиеся с первых же страниц романа в письме старосты, что и жизнь в Петербурге. Та Обломовка – это, в своем роде, миф, сон о «золотом веке» обломовской жизни). Поэтому, на первый взгляд, невозможно прямое столкновение и взаимодействие между этим типом художественного времени и другими. Однако взаимодействие это всё же реализуется благодаря тому, что циклическое время концептуально для динамической характеристики главного героя, можно сказать даже, что эта категория художественного времени «материализуется» в его фигуре.

Циклический тип художественного времени (явленный «в лице» Обломова) становится и сюжетным, и фабульным стержнем романа, о который «спотыкаются» остальные персонажи, тяготеющие к другим типам художественного времени. Так, «настоящее время, по своей сущности

динамическое, принадлежит Андрею Штольцу, но все связанные с ним происшествия не обладают возможностью продлиться; как подсказывает текст романа, энергия этого героя рассеивается во многих путешествиях или застывает в бетонных домах, построенных им. Настоящая эпоха русского капитализма еще не выработала распознавательной системы ценностей и, как таковая, внушает мысль о настоящем пустом времени» [Халациньска-Вертеляк, 1994, с. 191]. Активное, деятельное историческое «сегодня» Штольца разбивается о нежелание Обломова действовать. Штолец, стремящийся к новым знаниям, к прогрессу, к живой и деятельной жизни в ногу со временем, оказывается безоружен перед традицией, в которой заключены спокойствие, лень и невозмутимость.

Казалось бы, Штолец гораздо сильнее в психологическом плане, чем Обломов. Однако ему не удается повести за собой Илью, вынудить того что-либо делать. Когда от Андрея по ходу событий требуется спасти друга (например, от мошенников), Обломов предоставляет ему полную свободу действия, соглашается, благодарит и кивает (и то – сам палец о палец не ударит). Когда же опасности нет, все попытки Штольца растормозить главного героя разбиваются о спокойствие и невозмутимость последнего, который не только не принимает необходимости действовать активно, но и всячески пытается ее избежать. Историческое время, «на острие» которого живет и действует Андрей, пасует перед циклическим. Ни авторитет, ни дружба, ни жажда деятельности не помогают Штольцу «одолеть» Обломова. Не действует даже такой, казалось бы, весомый аргумент, как страх перед возможностью потерять Обломовку! Несмотря на то что Илья знает Андрея с малых лет, любит его и считает даже, в какой-то мере, авторитетом для себя, он ни на йоту не сдает своих позиций в нежелании действовать. Идти в ногу с настоящим, беспокоиться и деятельно жить? Нет, это не для Обломова. Собственный покой ему в какой-то мере дороже, чем самый близкий друг.

И даже когда Илья Ильич умирает, круговорот времен не сдает своих позиций – у него остается сын, из-за которого Штольцу и Ольге приходится в определенной степени признать Пшеницыну как мать ребенка Ильи (а ведь она также являет собой воплощение «матери-земли», покоя и довольства, свойственных идиллическому хронотопу Обломовки, идеалу Ильи Ильича).

Складывается такое впечатление, что автор постоянно провоцирует героя на действия, ставя его в ситуации, когда не действовать, казалось бы, невозможно, однако Обломов даже в таких условиях остается верен себе: и перед уговорами, и перед своими мечтами о великих исторических свершениях, и перед любовью, и даже перед угрозой потерять деньги (он ведь не сам спасается, его спасает Штолец) – Илья Ильич не поддается на провокации, оставаясь приверженцем «золотой рамки жизни» и того типа времени, воплощением которого он является. Со сторонней точки

зрения, герой неудачник, так как проигрывает всё: переустройство именина, возможность уехать за границу, социальный статус, любовь Ольги, дружбу Штольца, наконец. Но, если взглянуть с другой стороны, становится понятно, что ничто не смогло его задеть, ничто не поколебало его привычек, не смогло заставить действовать противно своей натуре, как это и происходило из поколения в поколение со всеми жителями Обломовки: «Навязывались им, правда, порой и другие заботы, но обломовцы встречали их по большей части с стоической неподвижностью, и заботы, покрутившись над головами их, мчались мимо, как птицы, которые прилетят к гладкой стене и, не найдя местечка приютиться, потрепещут напрасно крыльями около твердого камня и летят далее» [Гончаров, 1959, с. 105]. Обломов бережно сохраняет себя, свою натуру именно в том виде, который представляется ему идеальным, исходя из детских впечатлений о родном гнезде.

Так как лучшим другом Обломова является Штолец, именно он чаще всего и провоцирует его – на столкновение с тем типом художественного времени, носителем которого является, с настоящим, с историческим «сегодня». Именно поэтому, думается, и возникло мнение в критической и литературоведческой традиции о том, что Обломов воплощает в себе тип исторического времени. Динамическая характеристика героя действительно постоянно испытывает на себе влияние носителя исторического времени (Штолец побуждает Обломова к действиям), но Илья Ильич подвержен влиянию далеко не только этого типа художественного времени: значительную роль в формировании его образа играют циклическое и онейрическое время. Историческое время не воплощено в герое напрямую, оно идет с ним вразлад, заставляя его двигаться, пытаясь нарушить сюжетный ход повествования, который, в свою очередь, подчинен времени циклическому.

Подводя итог, можно сказать, что при всем многообразии форм художественного времени в романе наиболее интересным является «диалог» оппозиционирующих друг другу типов времени, исторического и циклического, который реализуется во взаимодействии, общении Обломова со Штольцем. Именно это взаимодействие дает возможность признавать, с одной стороны, важность исторической, эпохальной составляющей для образа главного героя, а с другой стороны, называть его персонажем вневременным, носителем философско-эстетических, вечных ценностей. Обращение к подробному анализу динамической характеристики героя позволяет нам сделать вывод о невозможности однобокой оценки Обломова в связи только с одной формой художественного времени – необходим синтез точек зрения, так как главный герой находится в центре диалога истории и вечного круговорота человеческого бытия.

Литература

1. *Алексеев П.* Категория ценности в романе И. Гончарова «Обломов» // Гончаровские чтения 1995 – 1996. Ульяновск, 1997.
2. *Анненков П.В.* Г-н Помяловский // Русская литература в оценках, суждениях, спорах. М., 2006.
3. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе // *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. *Беляева И.А.* «Странные сближения»: Гончаров и Данте // Изв. РАН. Серия литературы и языка. 2007. Т. 66, № 2.
5. *Гончаров И.А.* Обломов // *Гончаров И.А.* Собр. соч. : в 6 т. М., 1959. Т. 4.
6. *Захаркин А.Ф.* Роман И.А. Гончарова «Обломов». М., 1963.
7. *Краснощёкова Е.А.* Иван Александрович Гончаров: Мир творчества // Официальный сайт Группы по подготовке Академического полного собрания сочинений и писем И.А. Гончарова Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук, раздел «О творчестве: Монографии». URL: http://www.goncharov.spb.ru/kras_mir_3/
8. *Кутейников И.А.* И.А. Гончаров и некоторые вопросы Российской истории. // И.А. Гончаров (Материалы междунар. конф., посвященной 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова). Ульяновск, 1994.
9. *Ляпушкина Е.И.* Русская идиллия XIX века и роман И.А. Гончарова «Обломов». СПб., 1996.
10. *Мельник В.И.* Этический идеал И.А. Гончарова. Киев, 1991.
11. *Мельник В.* «И только он один...» Пушкинские традиции в романе И.А. Гончарова «Обломов» // Литература в школе. 2007. № 9.
12. *Недзвецкий В.А.* И.А. Гончаров – романист и художник. М., 1992.
13. *Отрадин М. В.* Проза И. А. Гончарова в литературном контексте. СПб., 1994.
14. Роман И.А. Гончарова «Обломов» в русской критике: Сб. статей. Л., 1991.
15. *Соловьев В.* Иван Гончаров. Его жизнь и литературная деятельность. (1898) // Сайт Иван Гончаров.ру, раздел «Критика». URL: <http://www.ivan-goncharov.ru/kritika/goncharov5.shtml>
16. *Таборисская Е.М.* О некоторых особенностях художественного времени в русском романе середины XIX века // Пути русской прозы XIX века. Л., 1976.
17. *Халациньска-Вертеляк Х.* Обломов Гончарова как герой периферии // И.А. Гончаров (Материалы междунар. конф., посвященной 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова). Ульяновск, 1994.
18. *Черных Г.А.* Частная жизнь в потоке истории (И.С. Тургенев, «Отцы и дети») // Русская словесность. 2006. № 5.